

Мёной

ВУАЛИ

АВТОР
АНАСТАСИЯ ЛОБАЕВА

Анастасия Лобаева

Шёпот Вуали

«Автор»

2026

Лобаева А.

Шёпот Вуали / А. Лобаева — «Автор», 2026

Голос пришёл к ней в детстве и с тех пор не умолкал. Василиса привыкла не слушать. Она мечтала о простом: замужество, дом, тихая усадебная жизнь. Но когда князь объявляет её своей невестой из милости, а друзья детства предают, она бежит из дома. В глухой сибирской деревне, где ведьмы латают границу между мирами, а нечисть выходит из леса, Лисса узнаёт: она — наследница древней силы, которая передаётся по женской линии. И голос, что звучал в её голове годами, — не безумие. Это зов. Чем громче голос, тем меньше времени. Нужно освоить магию, от которой она всю жизнь бежала. Шагнуть за Вуаль, откуда возвращаются не все. И решить, кому из троих мужчин можно верить — прошлому, силе или свободе. Каждый выбор имеет цену. И каждый — может стоить жизни. Тёмное фэнтези в декорациях альтернативной Российской империи. Первая книга цикла.

© Лобаева А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Дуэль на именины	5
Глава 2. Еще одно письмо	7
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Анастасия Лобаева

Шёпот Вуали

Глава 1. Дуэль на именины

Комната тонула во мраке, и Василиса не могла понять — то, что она слышит, происходит наяву или только пугает её во сне?

Снизу доносились голоса. Один — её отца, глухой, виноватый. Второй — чужой, низкий, с металлическими нотками, которые били по нервам. Слов было не разобрать, только интонации: отец оправдывался, чужой голос наседавал.

Страх мокрыми шупальцами скользнул по ее спине. Кто там? Что происходит? Она вся сжалась, хотелось лечь обратно, укрыться одеялом с головой, отогнать от себя дурные мысли.

— Лисса! — Мачеха влетела в комнату в халате поверх ночной рубашки, глаза огромные, испуганные. — Князь приехал. Говорит, не может найти сыновей. Ты знаешь, где они? Где близнецы?

Девочка не успела ответить. Снизу донеслось — отчётливо, в тишине:

— Сейчас же приведите её сюда, или я сам стащу её с постели!

Женя побледнела ещё сильнее.

— Собирайся. Быстро. — Стиснула её плечи. — Не перечь ему. Что бы ни спросил — отвечай, как есть.

Лисса затрясла головой.

— Нет, Женя, я не пойду. Я не могу. Я его боюсь!

— Крепись, — мачеха сжала её ладонь. — Я позову Фёклу, она тебя быстрее соберёт.

И вышла в коридор, держась за большой круглый живот.

Девочка осталась одна.

Она сидела на кровати, вцепившись в одеяло, и не могла двинуться. В голове пульсировало: «Я не пойду. Не пойду. Не пойду».

Но голос князя снизу — тяжёлый, требовательный — не стихал.

Она кое-как слезла с кровати, нашарила на столике спички. Руки дрожали так, что с первой попытки чиркнуть не получилось — головка сломалась, спичка упала на пол. Со второй — зажглась. Маленький язычок пламени осветил комнату, и Лиссе стало чуть легче. Не так страшно, когда видишь стены.

С трудом влезла в платье — пальцы не попадали в рукава, юбка перекрутилась. Она замерла, выдохнула, заставила себя успокоиться.

Вошла Фёкла — запыхавшаяся в накинутом наспех платке.

— Ох, барышня, — сказала она, не спрашивая, что случилось.

Видно, Женя уже всё объяснила той по пути. Подхватила Лиссу под локоть, помогла дотянуть чулок, поправила юбку. Пальцы у неё были грубые, но быстрые — привычные к любой работе.

— Волосы не успеем, — бросила она. — И так сойдёт.

Лисса хотела сказать, что нельзя идти к князю простоволосой, но язык не слушался. Фёкла сунула ей в руки платок — накинуть на плечи.

— Иди, касатка, — шепнула она. — Я с тобой до лестницы, а дальше сама.

В коридоре было темно, и только снизу пробивался тусклый свет свечей. Лисса шла, считая ступени. Раз — перед глазами испуганная Женя, два — крики князя, три — близнецы пропали, четыре — она знает, где они.

Лисса остановилась на пороге. Гостиная, которую при ней никогда не топили, сейчас горела свечами — и в этом жёлтом свете убожество комнаты стало видно особенно отчётливо. Чехлы на мебели выцвели до серости. Ковёр протёрт до дыр. По стенам — сырые пятна, которые Женья затирала извёсткой каждую весну, но они возвращались.

На ватных ногах она сделала шаг, пол скрипнул — громко, как выстрел.

Князь, до этого буравящий взглядом ее отца резко обернулся.

— Доброй ночи, ваше сиятельство. — Голос Василисы был чужим, тонким, совсем детским.

— Доброй? — князь хлопнул ладонью по подоконнику.

Лисса зажмурилась.

Когда открыла глаза, он уже стоял напротив нее, в двух шагах. В руке — измятый конверт.

— Посмотрите на меня, — сказал он, чуть смягчившись.

Лисса подняла голову.

Он еще не был стар. Лицо – застывшая маска. Тёмные волосы гладко зачёсаны назад. И глаза — серые, тяжёлые, с прищуром. Под этим взглядом Лисса чувствовала себя букашкой, которую сейчас раздавят.

— Читайте, — последовал новый приказ князя.

Лисса взяла протянутое письмо и опустила глаза.

Почерк Андрея, торопливый, с кляксами. Бумага задрожала в ее руках.

— Читайте вслух, Василиса.

— Да, ваше сиятельство, — голос по-прежнему не слушался, но Лисса заставила себя говорить громко и ровно.

«Отец, не ищи нас. Мы должны разобраться по чести. Сами. Без свидетелей. Если не вернёмся — не вините никого. Наша воля. Наш выбор».

Она дочитала и подняла глаза.

Князь стоял, не двигаясь. Только желваки заходили на скулах.

— Честь, — повторил он с такой горечью, что Лисса поёжилась. — Они пишут о чести, а сами собрались стрелять друг в друга из-за

Он замолчал, впился в неё взглядом — изучающе, тяжело.

— Тут не за что стреляться, — сказал наконец.

— Ваше сиятельство! — отец не выдержал, шагнул вперёд и загородил Лиссу спиной. — Она дитя, не трогайте её

— Пусть девчонка скажет! — Князь снова загремел на всю гостиную. — Где, чёрт возьми, мои дети?!

Отец обернулся к ней — усталый, виноватый, но говорил привычно тихо, ласково.

— Лисса, дочка ты знаешь, куда мальчишки могли поехать?

Она покачала головой.

— Нет, батюшка, я не знаю.

Князь пнул ногой ближайший стул — тот отлетел к стене, треснул.

— Седлай! — крикнул он слуге.

И вышел в ночь, не оглядываясь.

Отец порывисто обнял ее, крепко, по-мужски, прижал к груди.

— Возвращайся в кровать, дочка. Утром поговорим. А я с ним поеду – помогу искать.

Лисса подождала, пока шаги затихли. Потом на ватных ногах выскользнула в сени, натянула отцовскую куртку, старые сапоги — и побежала в конюшню. Она найдет их первой.

Глава 2. Ещё одно письмо

Старая кляча, её верная Марта, всхрапнула, узнав хозяйку. Лисса оседлала её кое-как, вывела под уздцы во двор и только там, на холодном апрельском ветру, вскочила в седло.

Она летела по полю, не разбирая дороги. От ветра слезились глаза, снег с дождём забивались под воротник, но она не чувствовала холода.

Лишь бы успеть.

Лес кончился внезапно. Лисса знала это место — старую мельницу, где она и близнецы в детстве прятались от взрослых. Если они хотели разобраться по чести и без свидетелей — то только там.

Девочка натянула поводья, вглядываясь в серую мглу.

Мельница стояла на холме. А под ней, в грязи, кто-то возился, кряхтел.

— Пусти, дурень! Это не по правилам!

— Сам дурень! Кто ж на саблях в темноте дерётся?!

Лисса спрыгнула с лошади, подбежала ближе.

Андрей и Мирон катались по мокрой земле, сцепившись, как дворовые псы. Сюртуки изодраны, лица в грязи.

— Ты сказал — на пистолетах! — орал Андрей, пытаясь вырваться.

— А ты — на шпагах! — Мирон саданул его кулаком в плечо.

— Дураки, — сказала она тихо.

Близнецы замерли, обернулись.

— Лисса? — Андрей приподнялся на локтях. — Ты как здесь?

Она подошла, выхватила у Мирона шпагу, у Андрея пистолет. Отшвырнула в сторону.

— Вставайте, — сказала Лисса.

Мирон поднялся первым, отряхивая грязь с сюртука. Андрей замешкался, потирая ушибленное плечо.

— И скорее домой. Может, если сами отцу повинитесь, он вас просто без сладкого на полжизни оставит.

— Без сладкого я не согласен, — буркнул Мирон.

— А я согласен, — Андрей наконец поднялся, — лишь бы порки не было.

Лисса посмотрела на них — чумазых, взъерошенных, виноватых.

— Вы что, — сказала она медленно, — из-за меня?

Близнецы переглянулись. Мирон потупился. Андрей вздохнул.

— Мы хотели по чести, — пробормотал он. — Кто победит, тот и...

— Дурачьё, — перебила Лисса.

Голос дрогнул. Не то от злости, не то от чего-то ещё — тёплого, глупого, что вдруг шевельнулось в груди.

— Отличный подарок на именины, друзья.

Последнее слово прозвучало горько. Мальчишки разом притихли, опустили глаза. Даже Мирон не нашёлся что ответить.

Они молча доехали до ворот имения Волконских, остановились у высокой каменной ограды, чугунные ворота — всё чужое, богатое, не её.

Лисса не стала спешиваться.

— Мне пора, не хватало, чтобы ещё меня дома хватились. — Губы её дрогнули в улыбке.

— Прости нас, Лисса, — сказал Андрей. — Жди к вечеру.

— И с именинами тебя, — опомнился Мирон. — Приедем с подарками.

Она кивнула, развернула лошадь и пустила рысью, не оглядываясь.

В доме было тихо — Женя, утомлённая бессонной ночью, сидела на кухне, пила ромашковый чай.

— Вернулась? — спросила мачеха, не поднимая головы. Она не удивилась — будто всё это время сидела здесь и ждала, когда падчерица переступит порог.

Лисса устало опустила на лавку рядом.

— Живые, но очень грязные.

Женя по-католически перекрестилась.

— Dieu merci, — выдохнула она.

Лисса взяла с блюдца сухарь, откусила. Смотрела, как мачеха машинально гладит живот.

— Я так переживала за них сегодня, — призналась Женя. — Сидела тут и вспоминала как первый раз их увидела.

Лисса подняла глаза и улыбнулась.

— Хотела в первый же день у Волконских показать, какая я ответственная. А мальчишки пропали. Бегала по саду, искала их, думаю: вот сейчас меня князь в окно увидит. И куда мне? В Нормандию пешком?

Лисса улыбнулась ещё шире.

— Я помню, как ты нас нашла.

— Да, да. — Женя усмехнулась. — Стою, чуть не плачу, и тут мне как прилетело вишнёвой косточкой — прямо в лоб. Смотрю вверх — а вы там. Втроём на ветках. Хохочете, ногами болтаете.

— Мне до сих пор стыдно, — Лисса закрыла лицо руками.

— Дети есть дети. — Мачеха погладила её по плечу. — С праздником, Василиса.

Девочка слабо улыбнулась.

— А теперь иди спать. Пока отец тебя не увидел. Я не скажу, что ты сбежала.

— Спасибо! — Лисса чмокнула мачеху в щёку и вышла в коридор.

Поднялась к себе, стянула платье и упала на кровать — прямо в сорочке, поверх одеяла. Усталость была такой, что не уснуть.

Лисса села, решила закрыть портьеры — солнце уже лезло в окно, жёлтое, наглое, не по-апрельски яркое.

В полутьме, у стены, что-то шевельнулось.

Чёрная тень. Без лица, без рук — просто сгусток темноты, который смотрел на неё.

Девочка не вздрогнула. Не закричала.

Старая знакомая Она приходила всегда — когда Лисса болела, когда переживала или была слишком счастлива. Она никогда не говорила о тени. Ни Жене, ни отцу, ни близнецам. Чтобы тень исчезла, нужно было просто закрыть глаза и досчитать до тридцати — и силуэт таял, как утренний туман.

Лисса зажмурилась. Начала считать. Открыла глаза.

Никого.

Лисса выдохнула, вернулась в кровать. Это просто игра уставшего разума. Ничего нового.

— Иди ко мне! — Голос проскрипел прямо у лица — так близко, что она почувствовала холод на щеке.

Лисса зажмурилась снова. Голоса она слышала впервые.

До сколько считать теперь?

Кажется, она все-таки уснула.

В комнате было темно — портьеры закрыты. Только тонкая полоска света пробивалась снизу, из-под двери, за окном чирикали воробьи.

Дверь скрипнула, и в щель просунулась голова Фёклы — круглолицая, с веснушками на широком носу.

— С именинницей вас, Василиса Алексеевна! — пропела она, входя с подносом. На нем дымилась кружка травяного чая. — Уж обедать пора, а вы и не умывались ещё!

Она всплеснула руками, поставила поднос, засутилась.

— Батюшка велели не будить вас рано, дать отоспаться в праздник. Сказали: «Пусть девушка нежится, сегодня её день».

Лисса села на постели, кутаясь в одеяло.

— А сам он?

— Дома-с, — Фёкла поправила кружево на подносе. — Вернулся под утро. Все в порядке, молодые наследники нашлись. Никто не пострадал.

Лисса опустила глаза. Внутри кольнуло — ни отец, ни Фёкла не знают о том, где она была на самом деле.

— И что, он на службу не поехал?

— Не-а, — Фёкла покачала головой. — Сказал, дела подождут. Наверное, вас поздравить хотят.

Лисса откинула одеяло, спустила ноги на пол. Фёкла уже хлопотала у рамоуника — подала тёплой воды, чистое полотенце, жёсткое, пахнущее крахмалом.

— Умывайтесь, касатка, — приговаривала она. — А я платье приготовлю.

Лисса плеснула водой в лицо, фыркнула. Холодная, бодрящая. Вчерашняя ночь отступила — но не ушла совсем, затаилась где-то под рёбрами.

Фёкла уже разложила на кровати бледно-голубое платье с мелкими белыми цветочками.

— Красивое, — сказала Лисса, проводя пальцами по воротничку.

— Барыня старалась, — Фёкла улыбнулась, поправляя кружево на рукаве. — Как вас любит! Уж никто не скажет, что не родная вы ей.

Фёкла помогла ей надеть платье, потом усадила на табурет перед тусклым зеркалом и оглядела спутанные после ночной поездки волосы.

— И как они в такой колтун у вас сбились? — удивилась та.

Лисса сделала вид, что не слышала вопроса.

Женщина вздохнула, взяла гребень и принялась распутывать — ловко, привычно, не дёргая, заплела две косы, уложила их короной вокруг головы — скромно, но аккуратно.

— Красавица наша, — воскликнула Фёкла, любуясь результатами своей работы. — Глядишь, скоро и женихи на порог заглянут.

— Не заглянут, — буркнула Василиса. — Приданого нет.

— А вы не перечьте судьбе, Василиса Алексеевна. Судьба сама придёт, не спросит. И вышла, притворив за собой дверь.

Лисса спустилась в столовую по скрипучей лестнице, отец сидел во главе стола, в старом, но тщательно вычищенном сюртуке. Увидел Лиссу — встал, улыбнулся.

— С именинницей, дочка.

Он поцеловал её в макушку, отодвинул стул.

— Женечке весь день нездоровится, отдыхает. Будем вдвоём.

Лисса села. На столе дымилась миска с супом, стояли тарелки с соленьями. В углу, на медном подносе, поблёскивал самовар.

— Фёкла сказала, вы на службу не поехали, — сказала Лисса, жуя. — Что-то случилось? Отец помешивал чай, не глядя на неё.

— Решил сегодня побыть с тобой. После обеда прогуляемся.

Она насторожилась.

«Может, хочет всё-таки отправить меня в гимназию?» — мелькнуло в голове. Приданого нет, зато можно стать образованной. Тогда Андрею будет не так стыдно просить разрешения жениться. Не бесприданницу берёт, а девушку с умом и манерами.

— Хорошо, батюшка. - Кивнула, стараясь не выдать волнения.

Дальше обедали молча. Лисса почти не ела — всё думала о вечере. Как они с близнецами будут сидеть за столом, как Мирон опять начнёт дурачиться, как Андрей украдкой будет смотреть на неё — и думать, что она не замечает. Может, сыграют в карты или в фанты. Все в её семье любили шумные праздники. Жаль, что они были такими редкими.

Фёкла заглянула в столовую:

— Там мальчик из имения Волконских. От молодых господ. Просит Василису Алексе-
евну. Велеть подождать?

— Нет, я иду! Что еще они придумали?

Лисса встала, отец проводил ее в коридор. На пороге стоял паренёк в ливрее, держал два свёртка — один поменьше, перевязанный бечёвкой, другой потяжелее, завёрнутый в холстину.

— Барышня, — поклонился он. — Молодые князья просили передать извинения. Сами приехать не смогут. Князь-батюшка разгневался, запретил им покидать дом.

Он протянул свертки. Лисса взяла, не глядя.

— И велели поздравить с именинами, — добавил паренёк, поклонился и вышел.

Дверь закрылась.

Лисса стояла, сжимая подарки. Праздник кончился, не начавшись.

Она рисковала всем. Без раздумий бросилась спасать их среди ночи, соврала князю, поставила под удар отцовское место, а значит — и весь дом. А для них это была просто игра. Подурачатся дома и забудут. А она останется в свой день рождения одна. В глазах зашипало, моргнула, сжала губы.

— Вы хотели поговорить, батюшка. — Лисса даже не обернулась. — Обедать расхотелось. Я в саду вас подожду.

И, не дожидаясь ответа, вышла.

Отец нашёл её через несколько минут. Она стояла у крыльца, глядя на голые ветки яблонь, и не замечала холода.

— Пойдём, — сказал он тихо. — Пройдёмся.

Он повёл её в глубь сада. Снег хрустел под ногами, воздух был холодный, прозрачный. Свернули к садовой качели, отец смахнул снег, расстелил плед.

— Садись.

Лисса села. Отец опустился рядом, помолчал.

— Жаль, что день рождения тебя не порадовал, — сказал он тихо. — Я знал, что ты ждала их. И сам надеялся, что всё обойдётся.

Лисса молчала, глядя в снег.

— И боюсь, дочка, — отец вздохнул, — то, что я сейчас скажу, не сделает тебя счастливее.

Она подняла голову.

— Я ждал этого разговора четырнадцать лет, — сказал он негромко. — Думал, что давно слова подобрал. А сегодня ночью увидел тебя — и всё забыл.

— Батюшка, что-то случилось? Вы здоровы?

— Здоров. Дело не во мне. — Он повернулся к ней. — Я хотел поговорить о твоей матери, о Маше.

Лисса сжала руки так, что ногти впились в ладони.

— Она взяла с меня обещание молчать пока ты не подрастёшь. Думала, что ты попытаешься её понять.

— Понять? — голос Лиссы дрогнул. — Что тут понимать? Она бросила нас. Исчезла. Ни письма, ни...

Она замолчала, пытаясь сдержать слёзы. Сейчас она чувствовала себя не взрослой барышней, а девчонкой, которой принесли дурные вести в день рождения.

— Где Маша сейчас и что с ней — не знаю, — сказал отец тихо. — Но это должно помочь.

Он достал из кармана конверт — пожелтевший, с вензелем в углу — и протянул дочери.

Лисса нехотя взяла. Просто держала, не раскрывая, не глядя.

— Мы познакомились в Иркутске, на станции, — продолжал отец. — Я ждал поезд, она сидела на скамейке с небольшим саквояжем. Разговорились. И тут как выдаст: «Я приехала порчу снимать».

— Порчу? — Лисса невольно хмыкнула. — И вы поверили?

— Я думал, у неё юмор такой. А оказалось — нет.

Он покачал головой.

Маша была из ведьмовской общины. Я многого не знаю. Со мной она это не обсуждала. Она вообще мало что обсуждала. Всё решала сама.

Он замолчал, провёл ладонью по колену.

— Я влюбился, увез её сюда. Думал, будем жить, детей растить. А когда узнали о беременности, она сказала: «Я уеду. Сразу после родов».

Лисса подняла голову. Пальцы сжали конверт сильнее.

— По их порядкам — ей нужно было забрать тебя с собой. Растить ведьмой.

Отец посмотрел на неё — виновато и устало.

— Она хотела иначе. Решила дать тебе выбор, но ей оставаться было нельзя.

Лисса молчала. Тень, которую она видела с детства, была настоящей. И всегда была.

— Выбор? — в горле словно царапали кошки, хотелось по-настоящему заплакать. — Какой выбор? Меня никто ни о чём не спрашивал.

— Она просила подождать, — отец кивнул на конверт в её руках. — Говорила: «Когда исполнится четырнадцать, отдай ей письмо. Пусть сама решает».

Василиса смотрела на конверт, но не раскрывала.

Хотела сказать что-то злое, но вместо этого вырвалось:

— Где она была всё это время? Почему не писала? Могла же хоть строчку

Отец молчал.

Лисса резко поднялась, сунула конверт ему обратно.

— Не нужно мне это. Не хочу.

— Лисса

— Я хочу окончить гимназию, — сказала она, глядя ему прямо в глаза. — Хочу красивую свадьбу. Хочу дом. Нормальную семью. А не ползать по болотам и собирать мухоморы. Это не для меня.

Она развернулась и пошла к дому. Не побежала, не хлопнула дверь — просто ушла. Оставила отца на качели с письмом в руке.

Внутри всё кипело. Слово «ведьма» липло к языку, как что-то грязное и чужое.

«Забуду, — сказала она себе. — Как страшный сон». Но когда же этот жуткий день закончится?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.